

© 1997 г. М.В. ШУЛЬГА

СЛАВЯНСКИЙ ГРАММАТИЧЕСКИЙ РОД: ПРИВАТИВНАЯ ОППОЗИЦИЯ*

1. Учение об асимметричности соотносительных грамматических форм имеет давнюю традицию в трудах русских грамматиков (А.Х. Востоков, К.С. Аксаков, Ф.Ф. Фортунатов, А.А. Шахматов, А.М. Пешковский, В.В. Виноградов). Как научная концепция оно сложилось в 30-е годы в трудах Р.О. Якобсона на базе теории фонологических оппозиций Н.С. Трубецкого, теории асимметрического дуализма С.О. Карцевского и других идей Пражской лингвистической школы. Этой теме посвящены фундаментальные работы А.В. Исаченко, новейшие исследования М.В. Панова.

В лингвистической литературе отмечена грамматическая выразительность (в терминологии теории оппозиций: маркированность) класса слов женского рода на фоне мужского. Слабый, немаркированный член оппозиции обладает способностью выступать в позиции нейтрализации грамматического значения, в "общекатегориальном" (или, что то же самое, "внекатегориальном") значении. Например, высказывание с использованием форм мужского рода *Каждый сам себе хозяин* воспринимается как грамматически правильное, если речь идет о лице / лицах мужского пола, или о лицах мужского и женского пола совместно, или только о лице / лицах женского пола. Ср. аналогичное высказывание с использованием форм женского рода: *Каждая сама себе хозяйка*. Это высказывание воспринимается как грамматически правильное только в случае, если речь идет о лице / лицах женского пола. В этом смысле мы говорим, что, являясь словами мужского рода, местоимения *каждый*, *сам*, существительное *хозяин* выступают не только в значении мужского рода, но также в позиции нейтрализации родового значения.

Такая способность в современном русском языке отмечена у существительных мужского рода, обозначающих лиц по профессии, по специальности, по должности, по общественной деятельности и т.п.: *учитель*, *продавец* применимо к названиям лиц не только мужского, но и женского пола, и напротив – соответствующие корреляты женского рода *учительница*, *продавица* применимы к названиям лиц женского пола и неприменимы к названиям лиц мужского пола. Довольно широко это свойство проявляет мужской род в коррелятах множественного числа: не только при обозначении лиц по профессии, по специальности, по должности, по общественной деятельности (*школьники*, *парикмахеры*), но также по национальности, месту жительства, происхождению и другим социальным признакам (*москвичи*, *грузины*, *южане*), по качественному признаку (*Петя и Маша – проказники, романтики, красавицы...*) [Янко-Триницкая 1982: 39–41]. Аналогичные свойства проявляет мужской род также у родоизменяемых слов в анафорической функции: *Сына и дочь – обоих видела* (не *обеих*).

Впрочем, некоторые из приведенных примеров могут быть отнесены к области

* Настоящая работа выполнена в рамках исследовательского проекта "Историческая грамматика древнерусского языка" при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда.

литературной нормы, а не системы: книжная речь избегает конструкций с мужским морфологическим родом в применении к названиям лиц женского пола, то есть *учитель пришла* заменяется в живой речи на *учительница пришла*; разграничение форм *обоих* и *обеих*, *обоим* и *обеим*, *обоими* и *обеими* несвойственно для речевой практики и противоречит системе языка (см. подробнее [Шульга 1988: 6–17]). Тем не менее системный характер форм мужского рода в общеродовой функции подтверждает диалектные факты, в частности, архангельские, на которые нам указала О.Г. Гецова: *Дура к я была. Такая я дура к!* Или: *Ну, ска, у Захара жонка трус* (Онежский, Пурнема) [КАОС]. Здесь существительные мужского морфологического рода *дурак*, *трус* применены к лицам женского пола, то есть употреблены во внеродовом значении. В литературной непринужденной речи можно сослаться на конструкции типа: *Муж и жена – оба виноваты* (не обе).

Существует представление, что привативные отношения в сфере грамматического рода с немаркированной формой мужского морфологического рода сформировались в новейшее время под влиянием социальных перемен нынешнего века [Мучник 1963; Мучник 1971; Янко-Триницкая 1966; Копелиович 1989], что "в XIX и даже в начале XX века невозможно было, например, обратиться к читателям, чтобы тут же не обидеть женщин-читательниц" [Копелиович 1989:33]. Такое представление можно, видимо, объяснить отсутствием в научной литературе сколько-нибудь регулярных наблюдений над способами нейтрализации родовых оппозиций в старых текстах. В действительности же исторический материал обнаруживает отношения, аналогичные современным, с самого начала письменной истории славян.

Современному употреблению мужского рода в конструкциях типа *Каждый сам себе хозяин* можно привести регулярные древние параллели:

(1) *в с а к ъ б о в ѣ р у ѡ правовѣрно исповѣдаѣтъ сѣмъ п(о)учениѣмъ правовѣрную вѣру* – КР 1284, 12¹. Местоимение *всѣахъ* и причастие *вѣруа* в форме мужского рода употреблены здесь в позиции нейтрализации родового значения.

Современное употребление слов мужского морфологического рода типа *учитель*, *продавец*, диал. *трус* также имеет моделью древние грамматические конструкции. Например, (2)–(3):

(2) *Бѣ же ему сестра блудъ твораѣци въ градѣ. и многамъ дѣшамъ х о д а т а и б ы в а ю щ и пагубѣ*. (греч. *τροξενουσα*) – ПНЧ XIV, 172 г. Здесь существительное мужского морфологического рода *ходатаи* употреблено по отношению к лицу женского пола (*сестра...творящи...бывающи*) при том, что существует соотносительное слово женского морфологического рода *ходатаица*².

Аналогично употреблено существительное мужского морфологического рода *хрестьянъ* вместо обычного *хрестьянка* по отношению к лицам женского пола (*дѣщери*):

(3) *Повѣлѣваетъ оубо правило. хр(с)тыѣномъ поимати о(т) еретикъ дѣщери. аще хр(с)тыѣанъ быти ѡбѣщаеѣся* – КР 1284, 82в.

В качестве коррелята в форме множественного числа при названиях лиц мужского и женского пола также встречаем форму женского рода:

(4) *быша блажнии мѣнцѣи Витѣ и Модесть и Кръстанѣица* (по женскому роду было бы *блаженьныѣ мученицѣи*) – СБУсп XII–XIII, 130в [Азарх 1984: 197]³.

Сфера реализации родовых отношений в древних славянских языках шире, чем в

¹ Сокращенные обозначения древнерусских источников соответствуют изданию [СДЯ 1988]. Старославянские памятники цитируются по изданию [СС 1994].

² Ср.: *приими сю х о д а т а и ц ю ѡ моѣмъ недостоинствѣ* – СБЯр XIII, 127; *Пречистая госпоже дево владычице Богородице всяко въ(з)лагаю надежю на тѣ и оупование на(х о д) а т а и ц ю тѣ имѣя къ сѣну твоему и Бу* – Надп 1336; *Іа(в)лена ѡ(т) вѣка. всѣхъ хр(с)тыѣанъ заступнице и к ѡ х о д а т а и ц а м ыркѡвизбранаѣа вл(д)ице* – КТурКан XII сп. XIV, 221–222.

³ Ср. фрагмент старославянского текста, из которого очевидно, что здесь употреблены имена мужские и женское: *вита и модеста пѣстоуна его. и крѣ) станица вавѣи его* – Ас 147б, 5.

современных, прежде всего за счет форм двойственного и множественного числа самих существительных, а также за счет согласующихся с ними в роде слов. Это расширяет возможности для научных наблюдений над структурой родовых оппозиций. Показательно, что в формах двойственного и множественного числа выявляется та же закономерность при нейтрализации родовых оппозиций, что и в формах единственного числа. Так, слова *малѣжена*, *малѣженьца* 'муж и жена, супруги', *отѣника* 'отец и мать, родители', употребляясь в двойственном числе, оформляются в старославянском (5) и в древнерусских текстах (6)–(7) по мужскому морфологическому роду:

(5) *лѹтѣ вѣ[дѣть малѣжен] ома ѣже не съхранн(с)те ложа несквр'(нѣ)на* (по женскому было бы **малѣженама*) – Рыл 56а, 12;

(6) *Малѣженца распоущающа сѣаще не смирита сѣ. да пребывақта тако. аще ли же ни къ покаіанію да поноужена боудета ... да пребоудета та въ кдинствѣ* (по женскому было бы **малѣженьци, распущающи, понуженѣ, тѣ*) – КР 1284, 131а–б;

(7) *имѣ же оученьемъ побѣждаемъ противнаго врага попирающе под ноги якоже попраста и си отѣника* (по женскому было бы **отѣници*) – ЛЛ 1377, 6491 г.

В последнем случае о древности явления (употребления мужского рода в качестве немаркированной формы) свидетельствует тот факт, что в основе общей номинации для лица мужского и женского пола лежит наименование лица мужского пола **от-*, а не женского. Эта номинативная модель реализована и в современных восточнославянских языках, ср. рус. *внуки, племянники, все люди братья, проблема отцов и детей* [Янко-Триницкая 1982: 39], укр. *батьки* 'батько та мати'.

Некоторые из приведенных примеров иллюстрируют функционирование формы мужского рода в качестве общеродовой также в синтаксических средствах выражения значения рода: в форме множественного числа прилагательного *блаженьнии* (4), в причастных формах двойственного числа *распущающа, понужена* (6), в форме двойственного числа указательного местоимения *та* (6). В современном русском языке такой способностью родоизменяемые формы не обладают, так как не имеют во множественном числе родовых различий. Тем интересней древнерусские факты, вскрывающие заложенные в системе закономерности. Регулярность таких отношений может быть подтверждена также другими примерами. Например, из старославянской письменности:

(8) *родителю бѣвъ. егкратнѣ. н еѹфимѣ. тако нарицаемома* – Супр 278, 18. Здесь причастие, относящееся к названиям лиц мужского и женского пола, употреблено в форме двойственного числа мужского рода (по женскому было бы *нарицаемома*). Из церковнославянского текста:

(9) *правило .гѣ. Черноризци и черноризциѣ. да не женаѣть(с) ни посагаютъ. понеже аще то створить. боудутъ ѿлоучени* – КР 1284, 956. Здесь причастие, относящееся к названиям лиц мужского и женского пола, употреблено в форме множественного числа мужского рода. Аналогично в формах причастий (10)–(15) и прилагательного (11):

(10) *и не повѣлѣвають моужемъ вблачити сѣвъ женьскы ризы ни же-нама въ моужьскѣ. еже творѣху на праздниѣ дѣишисовъ плѣшюще* – КР 1284, 156в–г;

(11) *Черноризецъ или черноризца. кдиною обѣщавшесѣ. бѣи. работати въ чистотѣ и въ двѣствѣ всѣ дни живота своего. и потомъ ѿпадоутъ обѣщание свое ѿвергше. рекше или черноризецъ оженить(с). или черноризца посагетъ. ѿлоучению да боудутъ по винни* – КР 1284, 956;

(12) *по гѣю словеси равно всоужают сѣ моужь и жена. развѣлюбодѣиѣна распоущающа сѣ* – КР 1284, 176г;

(13) *Вѣренъ мужь съ рабою или жена вѣрна съ рабою с мѣшающе. сѧ или да вѣступѧтъ вѣ того. аще ли же да вѣвергуть(с) –* КР 1284, 52в;

(14) *Законѣно съчетавшему сѧ моужь съ женою, прѣмѣсивши е (вместо прѣмѣсивши) сѧ другъ другому на оутриѧ да не причацат сѧ –* КР 1284, 205–206а;

(15) *моужи и жены сходѧще пиреньѧ творѧтъ. и оупвише сѧ плашють срамно –* КР 1284.

Нет необходимости объяснять, что контекст, по которому можно наблюдать, в какой форме осуществляется нейтрализация родовых оппозиций, в древней письменности является редчайшей находкой. При этом значительная часть примеров в таком контексте недостаточно достоверна. В частности, если согласуемое слово имеет ближайшим существительным слово мужского рода (например: *жены и мужи сходѧще сѧ*), можно предполагать не нейтрализацию родовой оппозиции по форме мужского рода, а согласование по роду с ближайшим существительным. Такие примеры мы оставили за пределами настоящего исследования. Тем не менее и они дают важную информацию в интересующем нас аспекте: нам не встретились случаи согласования по женскому роду (типа: **черноризьци и черноризьциѧ отлучены будутъ*) даже при непосредственном контакте согласуемого слова и существительного женского рода.

Второе ограничение, которое накладывает древний материал на исследование данной проблемы, связано с утратой родовых различий во множественном числе и с утратой форм двойственного числа в системе древнерусского языка. Эти процессы приходятся, условно говоря, на рубеж XIII и XIV веков. В источниках XIV века родовые различия уже отражают норму, сложившийся узус, но не системные отношения. В этом смысле показателен пример из новгородской берестяной грамоты, единственный известный нам с контекстом, предполагающим нейтрализацию родовой оппозиции:

(16) *роба і холопо твоі дѣтѣ моі* ‘рабыня и раб твои – дети мои’ – № 78.

Это документ XIV века, он отражает утрату родовых различий во множественном числе и обобщение формы мужского рода (*твои*) не только при названиях лиц женского и мужского пола (*роба* и *холопѣ*), но также у местоимения *мои* при существительном *дѣти*, относившемся к основам на **-i* и к женскому морфологическому роду.

По-видимому, привативный характер родовой оппозиции и маркированность женского рода в бинарной оппозиции мужской: женский род является органичным свойством славянского рода (по некоторым признакам – индоевропейского рода в целом, но это должно составить предмет особого исследования). К этому выводу склоняют известные факты из разных славянских языков. В частности, все современные славянские языки, которые с тем или другим грамматическим значением сохранили родовые формы во множественном числе, отражают также общеродовую функцию генетически мужских форм.

Так, в современном польском литературном языке личномужская форма в составе сказуемого (по происхождению это форма И. мн. мужского рода) обслуживает не только названия лиц мужского пола, но также употребляется в качестве общей формы при названиях лиц мужского и женского пола: *meszczyny ta kobiety przyszli* (ср. *kobiety przyszły*). И. Леков, который обнаруживает проявление лично-мужского значения в разных славянских языках и в широком круге фактов (в частности, в специфических формах числительных и местоимений), считает необходимым подчеркнуть, что лично-мужские формы распространяются также на названия лиц женского пола, если последние употреблены вместе с названиями лиц мужского пола [Леков 1956: 320–321]. Общеродовую функцию выполняют согласуемые формы мужского рода в тех южнославянских языках, которые сохранили во множественном

числе родовые различия: в сербо-хорватском при однородных подлежащих, относящихся к разному грамматическому роду, в сказуемом во множественном числе употребляется форма мужского рода; аналогично в словенском языке.

Схематически нейтрализацию оппозиции мужского и женского рода у названий лиц можно представить в следующем виде:

Важно, однако, оговориться, что все эти принципиально важные, на наш взгляд, свидетельства (современные и исторические) выявляют привативный характер оппозиций славянского рода у слов с семантически мотивированным значением рода, строго говоря, лишь в пределах оппозиции лицо мужского пола : лицо женского пола (или лицо мужского пола : нелицо).

2. Названия лиц – это только частный (и особый) случай в структуре категории рода. Ядро категории рода составляют существительные, у которых род семантически не мотивирован естественным полом и имеет лишь формально-грамматическое значение: *окно, стена, потолок* и под. Их "ядерное" положение связано не только и не столько с тем, что они лексически несоизмеримо преобладают. Важнее то, что именно такие слова формируют категорию рода как трехчленное противопоставление: мужской, женский и средний род (слова, у которых род отражает семантику пола, образуют лишь двучленное противопоставление: мужской и женский род).

Согласно теории Пражской лингвистической школы, многочленные оппозиции распадаются на цепь бинарных оппозиций. Трехчленная оппозиция по роду в конкретных текстах предстает в виде женский : средний, мужской : средний, мужской : женский. Мы попытались на материале древних памятников получить представление о том, как организованы эти оппозиции за пределами круга личных имен, то есть у слов с семантически немотивированным значением рода.

Наши предварительные наблюдения можно свести к следующему.

В оппозиции форм женского и среднего рода в качестве немаркированного члена оппозиции выступает форма среднего рода, то есть оппозиция нейтрализуется в форме среднего грамматического рода. Повод для такого заключения дают примеры типа (17)–(19):

(17) *аще же прежде .л. ѡѣ(т) възыскник и распра боудеть. о томъ. держащей т а к о в а ѡ.. не оправдать сѧ сами. но со възыскающими* – КР 1284, 95г. Здесь с существительными среднего рода *възыскание* и женского рода *распра* соотносено местоимение среднего рода *таковая* (в форме множественного числа).

(18) *Благочивыхъ ц(с)ръ по собиіа и помощи. цркви всегда требоууть. ц(с)ри же должни суть таковаіа подавати имъ* – КР 1284, 128г. Местоимение *таковая* в форме среднего рода замещает существительное среднего *пособие* и женского рода *помощь*.

(19) *дѣѣ же рекоша естъствѣ. словоу различіа. а не словоу раздѣленіа. іако же оубо дша и тѣло различна оубо естъствомъ. съединена же лицемъ едино соуще сицѣ съдѣловающая. приобѣщающая сѧ вѣщемъ* – КР 1284, 3б. Здесь интерес представляют формы среднего рода единственного числа (местоимение и причастие *едино суще*) и множественного числа (прилагательное *различна* и причастия *съединена, съдѣловающая, приобѣщающая*) при существительных женского и среднего рода *душа, тело*.

В оппозиции форм мужского и среднего рода в качестве немаркированного члена также выступает форма среднего рода, то есть в позиции нейтрализации отмечается средний род. Например:

(20) *аще по поставлении село или виноградъ купать. цркви сиіа да вставать іако Ѡ црквнаго прибытка. таковаіа. стажа(а)вшие* – КР 1284,

113в. Местоимения *сия* и *тако́вая* в форме множественного числа среднего рода соотносительны с существительными среднего (*село*) и мужского (*виноград*) рода.

(21) *Похотниши грѣси. прѣлюбодѣ Аник и блудѣ. овѣмъ оубо различна мнѣтсѣ. другымъ же тако́ва же и та* – КР 1284, 204а. Прилагательное *различна*, а также местоимения *тако́ва*, *та* имеют форму множественного числа среднего рода при существительных среднего рода (*прѣлюбодѣяние*) и мужского (*блудѣ*).

(22) *не подобаетъ о(у)бо ни воска. ни масла взѣ(т) ѿцр(к)ве ни иного каковаго съсуда ни платна. всѣ бота бви възложена суть* – КР 1284, 48а. При существительных мужского (*воскъ*, *съсудѣ*) и среднего рода (*масло*, *платно*) корреляты во множественном числе имеют форму среднего рода (местоимения *вся*, *та*, причастие *възложена*).

(23) *Да ѿвержена боудуть ... и каланьди. и плясанья* – КР 1284, 1566–в. В этом примере в позиции нейтрализации при существительных мужского и среднего рода (*каланьди*, *плясанья*) употреблена причастная форма среднего рода (*отвержена*).

В контексте, где сталкиваются существительные мужского, женского и среднего рода, нейтрализация родовых оппозиций также осуществляется в форме среднего рода, во всяком случае, не женского. По-видимому, такие ситуации можно рассматривать как наложение друг на друга двух бинарных оппозиций – оппозиции мужской: средний род и оппозиции женский: средний род, результаты нейтрализации соответствуют такому подходу:

(24) *аще съсудѣ кѣтъ или ино чтѣ аще наволока кѣтъ. ли за вѣса. ли поставѣ златѣ аще масло будетъ ли воскъ принесенимъ бо ихъ въ бжю црковь. ѿсцають сѣ тако́ва іа* – КР 1284, 48а. Местоимение в форме среднего рода *тако́вая* соотносено здесь с существительными мужского рода *съсудѣ*, *поставѣ*, *воскъ*, женского *наволока*, *завѣса*, существительными среднего рода *масло* и местоимениями *ино* *что*.

В старославянском тексте:

(25) *крѣсть імоука и гвоздик. і съмръть сі живоу. вѣсмрътноу моу бывають пелены* – Клоц 106, 20. При существительных мужского рода *крѣсть*, среднего рода *гвоздик*, женского рода *моука* и *съмръть* местоимение *си* стоит в форме множественного числа мужского-среднего рода (по женскому роду было бы *снѣ*).

Что касается оппозиции мужского и женского рода, то здесь в пределах изученного нами материала с уверенностью можно сказать только о невозможности ее нейтрализации в форме женского рода – таких случаев нам не встретилось. Похоже, что у существительных, получающих значение рода по формально-грамматическому признаку, нейтрализация родовой оппозиции осуществлялась так же, как и у существительных, у которых грамматический род мотивирован естественным полом, то есть в форме мужского рода. Однако факты, которыми мы здесь располагаем, немногочисленны:

(26) *ѣдь. акриди і медѣ дивни* – Мк 1, 6. В этом старославянском тексте форма прилагательного мужского рода *дивни* соотносительна с существительными женского и мужского рода, если только не предполагать здесь согласование прилагательного по роду с ближайшими существительными *медѣ*.

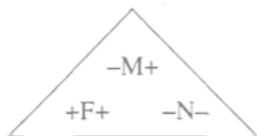
Схематически отношения в кругу существительных с формально-грамматическим значением рода, исходя из приведенного материала, можно представить в следующем виде:

В пределах того материала, которым мы располагаем, есть основания думать, что слова мужского и женского рода с семантически мотивированным значением рода, то есть личные имена, вписывались в общую структуру категории рода и осуществляли нейтрализацию родовых оппозиций по общим правилам, представляя собой лишь частный случай в структуре категории рода.

Этот факт может свидетельствовать в пользу формально-грамматической концепции происхождения категории рода и более поздней его семантизации (в рамках сложившейся структуры) за счет естественного пола.

Таким образом, в сфере грамматического рода как "антиподы" проявляют себя формы женского и среднего рода, первые как дважды (в оппозиции к мужскому и в оппозиции к среднему роду) маркированные, а вторые как дважды (в оппозиции к женскому и в оппозиции к мужскому роду) немаркированные. Формы мужского рода занимают как бы промежуточное положение: они маркированы в отношении среднего рода и немаркированы в отношении женского рода:

3. Особое положение среднего рода по отношению к мужскому и женскому нашло отражение в популярной среди индоевропеистов лингвистической теории, ведущей свое начало от А. Мейе. Согласно этой теории в индоевропейском языке средний род как род неодушевленный первоначально был противопоставлен мужскому и женскому как родам одушевленным [Meillet 1921] – здесь в основу классификации положены смысловые отношения. Следуя этой концепции, Р. Якобсон в работе 1932 г. [Jakobson 1971]⁴ выделяет две бинарные оппозиции в структуре категории грамматического рода: средний противопоставлен мужскому и женскому родам в целом, а женский противопоставлен мужскому (в другой терминологии [15, с. 130]: не-субъектный род противопоставлен субъектному, а внутри субъектного рода женский как указывающий на то, что субъект действия не мужчина, противопоставлен мужскому, не уточняющему пола). В приведенной выше схеме можно найти подтверждение концепции А. Мейе: структура родовых оппозиций славянских языков еще и в историческое время отражает своеобразное противостояние среднего рода (абсолютно немаркированного) "несреднему".

Основные сомнения последователей и оппонентов А. Мейе сводятся к тому выразительному факту, что по форме в славянских языках (унаследовавших и развивших индоевропейский род в наиболее полном виде) женский род противопоставлен "неженскому": различие между женскими и "неженским" родом проходит через всю парадигму единственного числа, а мужской и средний род имеют общее склонение и противопоставлены друг другу только в именительном и винительном падежах. Исходя из этого, Н.С. Трубецкой [Trubetzkoy 1975: 266–267], Р.О. Якобсон в своих поздних работах [Дегтярев 1982] выделяют другие бинарные оппозиции, опирающиеся на формальный, а не на смысловой принцип: женский род противопоставлен "неженскому", а "неженский" род разделяется на оппозицию мужского и среднего рода.

Традиционные смысловая и формальная классификации родовых оппозиций противоречат друг другу. А между тем в построенных на основе реального языкового употребления представлениях о родовых оппозициях запрограммированы как противостояние среднего рода "несреднему", так и противостояние женского рода "неженскому": в первом случае это оппозиция постоянно немаркированного члена и

⁴ Эволюция взглядов Р. Якобсона на структуру грамматического рода подробно изложена в [Шахмайкин 1996].

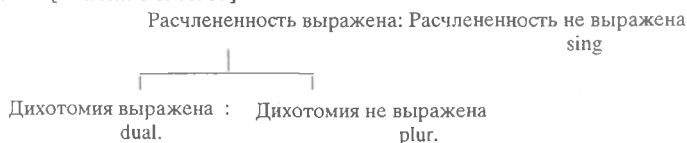
способных выступать в качестве маркированных; во втором – оппозиция постоянно маркированного члена и способных выступать в качестве немаркированных⁵.

Комментариев требуют также примененные здесь критерии разграничения маркированного и немаркированного членов оппозиции. Эксплицитно в трудах пражцев сформулировано представление о привативной оппозиции как об оппозиции, способной нейтрализоваться, и представление о немаркированном члене оппозиции как о члене, выступающем в позиции нейтрализации оппозиции. В своем анализе материала мы руководствовались этими разработанными применительно к фонологии сугубо формальными принципами Пражской лингвистической школы. С этих позиций немаркированная родовая форма понимается как форма, выступающая в позиции нейтрализации родового противопоставления. Таким же критерием отчасти руководствуется Р. Якобсон, устанавливая отношения между формами мужского и женского рода и признавая мужской род немаркированной формой в его оппозиции женскому роду. Но помимо формальных критериев, Р. Якобсон на морфологическом материале применяет также семантические критерии для квалификации отношений между членами оппозиции. Исходя из того, что в среднем роде отсутствует связь с полом, он характеризует его как маркированный член оппозиции [Jakobson 1971a], но позднее полярно изменяет маркировку и характеризует его как несубъектный немаркированный в его противопоставлении субъектному роду (для несклоняемых форм) или маркированный в отношении мужского рода и немаркированный в отношении женского рода (для склоняемых форм) [Jakobson 1971b; Jakobson 1971c].

Эти колебания великого пражца, его многократные возвращения к теме отражают сложность самой проблемы и отчасти оправдывают настоящую попытку подойти к ней еще и чисто эмпирически.

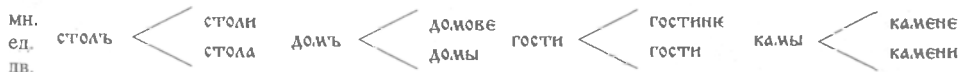
4. Научная теория оценивается тем выше, чем больший круг фактов она может

⁵ Здесь возникает аналогия с отношениями в системе числовых противопоставлений. А.В. Исаченко устанавливает следующую иерархическую структуру для грамматических значений категории числа в старославянском языке [Исаченко 1961: 39]:

К аналогичному заключению на материале старославянской письменности пришел В.И. Дегтярев: "...Формы дистрибутивного двойственного и формы множественного числа употреблялись в значениях, соответствующих одному и тому же действительному денотативному содержанию, замещая друг друга. Двойственное и множественное находятся по одну сторону оппозиции единственному числу" [Дегтярев 1982: 38].

Эта иерархия грамматических значений отчасти корректируется и уточняется при обращении к конкретным числовым формам. На формальном уровне можно говорить об обязательности оппозиции единственного числа и множественного числа, единственного числа и двойственного числа и о факультативности оппозиции множественного числа двойственному числу. При всем многообразии падежных флексий все падежные формы единственного и множественного числа, единственного и двойственного числа попарно различаются, например:

В то же время омонимия взаимно не противопоставленных форм двойственного и множественного числа не исключена, допустима в системе, ср. *всѣхъ вѣтъхъ – дѣвѣхъ вѣтъхъ*.

Такой характер числовых оппозиций предопределяет конкретные результаты исторических преобразований в славянских формах числа: расширение сферы омонимии форм двойственного и множественного числа (ср. ранние новгородские формы типа *дѣва села* на месте более ранних *дѣвѣхъ селѣхъ*), унификацию взаимно не противопоставленных форм двойственного и множественного числа в их общем противопоставлении форм единственного числа. То, что направление, характер реализации морфологического исторического процесса задается структурой грамматической оппозиции, методологически важно также для истолкования характера изменений в формах грамматического рода.

непротиворечиво объяснить. Теория оппозиций, учение об асимметричности соотносительных языковых единиц обнаруживают объяснительную силу в применении к истории родовых противопоставлений. Привативный характер родовых оппозиций и маркированность женского рода определяют и объясняют направление и конкретные результаты многих морфологических процессов в славянских языках, в частности, в восточнославянских.

Так, при утрате во множественном числе родоизменяемых форм были обобщены в качестве общеродовых немаркированные формы мужского рода, ср. причастия на *-л*-типа *пришли*; местоимения *они, одни, сами* (женский род *пришлы, оны, одны, самы, мои, твои, наши, ваши* (женский род *моѣ, твоѣ, нашіѣ, вашѣ*), формы сравнительной степени типа *тоньше, меньше, больше, лучше, хуже* из *хужше, уже* из *ужше*. При утрате двойственного числа была обобщена местоименная по происхождению форма мужского рода в составе числительного *дванадцать* (из *дѣва на десѣте*), имеющая общеславянское распространение и характерная для большинства русских говоров⁶.

Свойство слов мужского рода выступать в позиции нейтрализации родового значения может служить решающим аргументом в научных спорах о происхождении современных форм прилагательных типа *красные, синие*. Это свойство исключает возможность обобщения формы *И. – В. мн.* женского рода и заставляет рассматривать их в генетическом плане как формы мужского рода на определенном этапе собственной эволюции (замещение формы *И. мн.* формой *В. мн.* мужского рода и обобщение флексии твердой разновидности склонения, см. [Шульга 1984]). С изложенных здесь позиций представляется более чем сомнительной возможность обобщения женских флексий *-амѣ, -ахѣ, -ами* в ходе унификации форм множественного числа и кажется более обоснованной концепция Ягича – Маркова [Ягич 1989; Марков 1974] о формировании в парадигме существительных показателя множественности *-а*.

Маркированность форм женского рода, их неспособность выступать в позиции нейтрализации родового значения заставляет пересмотреть распространенный взгляд на деепричастия на *-чи, -(в)ши* как остаточные формы женского рода. Этот принципиально важный вопрос следует рассмотреть более подробно: на нем проверяются диагностические возможности теории оппозиций.

Современные деепричастия в русском литературном языке наследуют именным (кратким) формам действительных причастий настоящего или прошедшего времени. При утрате согласования с именем существительным обобщалась форма *И. п.* мужского рода: *слыша* (настоящее время), *услышав* (прошедшее время). Деепричастия, которые отступают от этой модели и имеют исход основы на *-чи* (генетически настоящее время) или *-вши, -ши* (генетически прошедшее время), менее регулярны: *едучи, будучи, живучи, припеваючи, играючи, крадучись; прочитавши, забравши, заперши, стерши, живши, видевши, имевши, дышавши, выпивши, смерзшись, слипшись, подвергшись, вторгшись, записавшись*. Для большинства из них имеются параллельные образования на *-а, -в*: *играя – играючи, выпив – выпивши* и под. Периферийные для русского литературного языка формы на *-чи, -(в)ши* занимают центральные позиции в украинском литературном языке. Здесь они являются регулярными для деепричастий: *вміючи, зумівши*. Напротив, на обочине украинской морфологической системы находятся деепричастия на *-а* и *-в*. Для белорусского языка так же, как и для украинского, характерны деепричастные формы на *-учи* и *-(в)ши*.

Восточнославянские формы на *-а, -в* продолжают древние причастные формы *И.*

⁶ У числительного *дванадцать* (из *дѣвѣ на десѣте*) первая часть внешне совпадает с омоформой женского-среднего рода. Однако есть веские основания (они изложены нами в отдельной статье, находящейся в печати) предполагать здесь местоименную форму с показателем множественности *-ѣ* по типу новообразованных в древнерусском языке форм *тѣѣ, вѣѣѣ*.

ед. мужского рода. Формы на *-учи* и *-(в)иши* обычно возводят к И. ед. женского рода. В этом единодушны российские, украинские и белорусские исторические грамматики, сравнительные грамматики славянских языков, см., например, [Булаховский 1953: 221; Карский 1956: 273; Грицютенко 1958: 19; Ломтев 1961: 318–320; Борковский, Кузнецов 1965: 318; Гаспаров, Сигалов 1974: 455–456; Русанівський 1978: 271; Горшкова, Хабургаев 1981: 353]. Здесь интригует своеобразная избирательность разных восточнославянских языков в отношении рода: предпочтение, которое украинцы и белорусы при лексикализации причастных форм почему-то отдали женскому роду, а русские – мужскому. Озадачивает также беспрецедентная для системы вариантность исторических форм мужского и женского рода, которую регулярно обнаруживают русские деепричастия на *-в* – *-(в)иши*: *прочитав* – *прочитавиши*, *забрав* – *забравиши*, *увидев* – *увидевиши*. На базе какой сочетаемости причастий с существительными могла сложиться родовая вариантность?

Наша точка зрения состоит в том, что современные русские, украинские и белорусские деепричастия последовательно унаследовали форму мужского рода. Различия между русск. *умея* и укр. *вміючи*, между русскими вариантными формами типа *прочитав* – *прочитавиши* восходят не к родовым, а к числовым: *умея*, *прочитав* являются рефлексами форм единственного числа мужского рода, а *вміючи*, *прочитавиши* – рефлексами форм множественного числа мужского рода.

Современные деепричастия на *-чи*, *-(в)иши* по форме, действительно, совпадают с И. ед. причастий женского рода. Но уже Д.Н. Кудрявский высказал сомнение в том, что они генетически связаны с женским родом. Он исходил из того, что в деепричастия могли превратиться только широко употребительные причастные формы, а причастные формы женского рода к ним вовсе не относятся [Кудрявский 1916: 12–13].

Разделяя его позицию, И.Б. Кузьмина и Е.В. Немченко приводят конкретные цифры, которые характеризуют употребление форм женского рода на фоне форм мужского и среднего рода. Исходя из этих данных, среди именных причастных форм И. ед. и мн. (всего 14 544 словоупотребления) мужской род составляет 94,6%, женский – 4,9%. В единственном числе женский род составляет 6,8%, а во множественном – всего 1%. "Из сопоставления относительной употребительности причастий в разных позициях следует, что в качестве застывших, неизменяемых образований должны были сохраниться прежде всего формы м.р. – ед. и мн. ч." [Кузьмина, Немченко 1982: 327–328]. Генетическую связь деепричастий на *-чи*, *-(в)иши* с причастиями мн. числа мужского рода допускали А. Мейе [Мейе 1951: 268] и А.А. Шахматов [Шахматов 1957: 471], однако эта точка зрения не получила достаточного распространения. Здесь мы излагаем дополнительные аргументы в ее поддержку.

Флексия И. мн. *-е* составляла специфику мужского рода и, кроме причастных форм, характеризовала консонантные именные основы: существительные типа *камене*, *горожане*, *родители*, *мытари*; прилагательное *четыре*. Но уже древнейшие церковнославянские памятники отражают здесь вариантность флексий *-е* и *-и*. С XIII века флексия *-и* преобладает у всех разрядов существительных, кроме слов на *-анин-* / *-ан-* типа *горожанин* [Иорданиди 1982]. Современный русский литературный язык сохраняет флексию *-е* лишь в формах типа *горожане* и в числительном *четыре*, что связано с книжной традицией. Украинский и белорусский литературные языки, значительная часть русских диалектов ориентированы на систему, а не на письменную традицию, и у бывших консонантных основ регулярно отражают флексию *-и* / *-ы*. Сказанное означает, что естественная морфологическая эволюция причастных форм приводила к замене флексии И. мн. мужского рода *-е* флексией *-и*, с чем мы встречаемся задолго до лексикализации причастных именных форм, например, в Мар. ев. *выходашти* [Шахматов 1957: 137].

Косвенные доказательства этому предоставляет современный чешский язык. В

чешском сохранились родовые деепричастные формы в единственном числе, во множественном им соответствует общеродовая форма, генетически связанная с мужским родом, а не с женским:

ед. муж. *nesa*

ед. жен.-ср. *nesouc*

мн. *nesouce*

začnuv

začnuvši

začnuvše

Вытеснение флексии *-e* связано с объединением форм И. и В. мн. мужского рода по форме В. мн. на восточнославянской территории. Отсутствию этого морфологического процесса в истории чешского языка соответствует сохранение флексии *-e* не только у деепричастий, но также у существительных: *obyvatelé, měšťané*, по аналогии также *komunisté, husité*. Материал чешского языка подтверждает общую эволюцию субстантивных и причастных форм на *-e*: при сохранившихся различиях субстантивных форм И. и В. мн. мужского рода чешские деепричастия сохранили во мн. числе флексию *-e*. Утрата оппозиции И. и В. мн. мужского привела в восточнославянских языках к флексии *-и* как у существительных, так и у причастий.

Чешский язык отражает обобщение во мн. числе в качестве общеродовой (то есть внеродовой) формы мужского рода. Обобщением формы мужского рода в общеродовой функции характеризуется утрата словоизменения именными причастными формами также в истории восточнославянских языков. Древнерусская письменность отражает замещение причастной формы женского рода формой мужского рода, то есть документирует причастия на *-(в)ше* при существительных женского рода. Например, в КР 1284:

(27) *Жены соущє въ течениѣ кръве въ бж(с)твеную црковь да не внидоуть* 199в;

(28) *и дѣтогоубна зеля дающе и възимающе жены волныя оубища соу(т)* 176а;

(29) *ідеже суть жены рабѡтающе* 546 и мн. другие.

Морфологическая позиция таких форм не вызывает сомнений – они свободно употребляются как синонимичные традиционным формам И. мн. женского рода у местоимений или прилагательных:

(30) *илі аще жены нѣкыя обращють(с) мужьскыя ризы носѡще на поруганиѣ общеѣ женьскыя одежда яко же того ра(д)мнѡще сѡч(с)ты быти и праведны ілі ѿ своихъ мужь гнушающе (с) брака распоуцають(с) іли чада своѡ оставлѡюще и не питающе іхѣї не кажюще іхѣ* (716);

(31) *различны заповѣди сходѡще сѡ подобно съ бж(с)твенными и сициными правилы и ѿбилия свою крѣпость деюще* (215в);

(32) *но вставляють ѡ [церкви] нагы създаны токмо и потомъ или раздрушающе сѡ всеѡ сициными слоужбы лишены* (228а).

Сочетание существительных жен. рода с причастной формой на *-e* обычно для древнерусской письменности. Оно отмечено в ЕвОстр 1056–57, Изб 1076, КН 1280, ЧтБГ XI сп. XIV, Пч к. XIV, ЛН XIII–XIV, ЛТ 1377, ЛП ок. 1425 [34, с. 316]. Более того, исконная форма И. мн. женского рода в памятниках практически не употребляется. Тот большой материал, который обобщен в исследовании И.Б. Кузьминой и Е.В. Немченко, содержит лишь один пример с исконной флексией *-ѣ* у причастия в сочетании с существительным женского рода (случаев с *-е* 21).

Характерно также, что в письменности не отмечены обратные замены: замены формы И. мн. мужского рода на форму И. мн. женского, которые могли бы дать повод говорить о сочетаемости причастий женского рода с существительными мужского рода – такой этап должен предполагаться концепцией о происхождении деепричастий от причастий женского рода.

Таким образом, направление морфологического процесса при утрате изменения по родам как у местоимений и прилагательных, так и у именных причастий было предопределено привативным характером родовых оппозиций и немаркированностью мужского рода в его оппозиции женскому роду.

Омонимия действительных причастий в единственном числе мужского и среднего рода позволяет рассматривать деепричастия типа *слыша, услышав* также как формы, восходящие к среднему роду. В этом случае можно видеть некоторую тенденцию в эволюции форм при утрате словоизменения, а именно: обобщение форм мужского рода на базе множественного числа и форм среднего рода на базе единственного числа. Именно такие результаты сложились в некогда склоняемых формах сравнительной степени. Во множественном числе были лексикализированы, как уже говорилось, формы мужского рода (*тоньше, меньше* и под.). Постоянно немаркированный средний род был обобщен в единственном числе: *туча, небосвод, небо с т а л и* (мн. число, муж. род) *темнее* (ед. число, ср. род).

Ограничение общеродовой функции среднего рода формами единственного числа связано с утратой родовых различий во множественном числе. В восточнославянских языках следы специфических форм среднего рода сохранились лишь в отдельных устойчивых словосочетаниях, сугубо книжных: *многая лета, все и вся, святая святых, и прочая и прочая, во вся тяжкая*. Это единичные, разрозненные остатки родовых форм, прежде регулярных для множественного числа, у согласуемых с существительным слов. Они относятся к области фразеологии, а не морфологии.

Почему во множественном числе в общеродовой функции был обобщен мужской род, а не средний? Оставаясь в рамках семантически немотивированных родовых форм, мы в свете изложенных здесь представлений вправе ожидать обобщения постоянно немаркированного среднего рода, а не мужского (немаркированного в оппозиции женскому роду, но маркированного в оппозиции среднему роду). Возможно, что результаты, наблюдаемые во множественном числе, предопределены наложением двух типов оппозиций: оппозиций по роду и оппозиции в рамках противопоставления лицо мужского пола : неліцо. Оппозиция личномужских : нелічномужских форм в тех славянских языках, в которых она представлена, разрешается в пользу личномужских форм (см. выше, п. 1), т.е. немаркированной формой является здесь личномужская. Т. Лер-Сплавинский и другие исследователи относят грамматические проявления личномужского значения к первой половине XVII века [Lehr-Splawinski 1947: 281; Grappi 1956: 63]. Однако очевидно, что оно могло реализоваться только в рамках сложившихся ранее языковых моделей. С этой точки зрения очень любопытный случай представляет собой следующий древнерусский текст:

(33) *іако да быхъ азъ былъ и чада моіа и сѣміа моіа живи были* – ЖН 1219, 107 (пример С.И. Иорданиди). В позиции нейтрализации формально-грамматического рода – мужского, женского и среднего – следовало бы во множественном числе ожидать коррелята среднего рода (*жива была*). Однако здесь в форме мужского рода *живи были* нейтрализована оппозиция личного (*азъ былъ*) и нелічных значений (*сѣміа моя, чада моя*), а в ближайшей языковой перспективе – личномужского и нелічномужского значений. Нейтрализации личного (личномужского) и нелічного (нелічномужского) значений соответствует следующая схема:

Тем не менее в разных славянских языках можно обнаружить следы нейтрализации личного и нелічного значений по форме среднего рода. На таких фактах вслед за Миклошичем останавливает свое внимание А.А. Потебня: "Требуется объяснения явление, о котором Миклошич говорит таким образом: «Средний род прилага-

тельных слов относится к мужскому и женскому (определяемых), когда или пол этих последних считается безразличным, или существительные имеют различный род: "чловѣка два вынидета въ цркъвь, кд и н о фаризѣй, а д р у г о мытарь", серб. "кад се састану вук и лисица, запита је д н о д р у г о"» [Потебня 1958: 108]. Эти факты можно дополнить современными украинскими: *Одне глухе, друге німе; Одне мале, друге дурне*. По свидетельству О.Г. Гецової, такое употребление формы среднего рода характерно также для русских архангельских говоров. Не вполне ясно, можно ли подобные факты расценивать как следствие нейтрализации оппозиции личного : неличного, мужского : женского рода по форме среднего рода.

В единственном числе мужской род в функции немаркированного члена оппозиции преимущественно закрепился у названий лиц. Регулярное оформление по мужскому роду в позиции нейтрализации значений лица мужского и женского пола наблюдается, помимо случаев, рассмотренных в п. 1, также у существительных адъективного склонения. Модель мужского грамматического рода стала для названий лиц типовой словообразовательной моделью, ср. *городничий, портной, хромой, умный, каждый, всякий, управляющий, заведующий* и мн. другие.

Помимо деепричастных форм, которые могут рассматриваться также как генетически связанные со средним родом, обобщение неличной формы мужского рода отражено в числительном *одиннадцать* < *одинъ на десате*. Омоформа мужского-среднего рода представлена в непрямых падежах числительного *полтора* < *поль вътора*. Преимущественно же в единственном числе в позиции нейтрализации родового значения обобщен средний род. Форма единственного числа среднего рода употребляется у местоимений в анафорической функции: *Пол, стены, окна – все это было выкрашено в голубой цвет*. Здесь она утвердилась после утраты родовых различий во множественном числе, ср. примеры (17)–(18), (20)–(22), (23) с их современными соответствиями. Р.О. Якобсон определяет имена среднего рода как немаркированную категорию в системе несклоняемых форм, то есть в системе кратких прилагательных, употребляемых в предикативной функции, и в формах прошедшего времени глагола [Jakobson 1971d: 185–186].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Азарх Ю.С. 1984 – Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. М., 1984.
- Борковский В.И., Кузнецов П.С. 1965 – Историческая грамматика русского языка. 2-е изд. М., 1965.
- Булаховский Л.А. 1953 – Курс русского литературного языка. Т. 2 (Исторический комментарий). 4-е изд. Киев, 1953.
- Гаспаров Б.М., Сигалов П.С. 1974 – Сравнительная грамматика славянских языков. 2. Тарту, 1974.
- Грицютенко И.Е. 1958 – Именные формы глаголов // Очерки по сравнительной грамматике восточнославянских языков. Одесса, 1958.
- Горшкова К.В., Хабургаев Г.А. 1981 – Историческая грамматика русского языка. М., 1981.
- Дегтярев В.И. 1982 – Категория числа в славянских языках (историко-семантическое исследование). Ростов-на-Дону, 1982.
- Иорданиди С.И. 1985 – Формы именительного множественного существительных типа *горожанинъ, родитель, мытарь* в истории русского языка // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 1982. М., 1985.
- Исаченко А.В. 1961 – О грамматическом значении // ВЯ. 1961. № 1.
- Карский Е.Ф. 1956 – Белорусы. Язык белорусского народа. Вып. 2–3. М., 1956.
- КАОС – Картотека Архангельского областного словаря (хранится в МГУ).
- Копелиович А.Б. 1989 – Очерки по истории грамматического рода. Владивосток, 1989.
- Кудрявский Д.Н. 1916 – К истории русских деепричастий. Вып. 1: Деепричастия прошедшего времени. Юрьев, 1916.
- Кузьмина И.Б., Немченко Е.В. 1982 – История причастий // Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. М., 1982.
- Леков И. 1956 – Към въпроса за мъжколичния род в славянските езици // Български език. Год VI. Кн. 3.

1956.

- Ломтев Т.П. 1961 – Сравнительно-историческая грамматика восточнославянских языков (морфология). М., 1961.
- Марков В.М. 1974 – Историческая грамматика русского языка: Именное склонение. М., 1974.
- Мейе А. 1951 – Общеславянский язык. М., 1951.
- Мучник И.П. 1963 – Категория рода и ее развитие в современном русском языке // Развитие современного русского языка. М., 1963.
- Мучник И.П. 1971 – Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. М., 1971.
- Потебня А.А. 1958 – Из записок по русской грамматике. Т. I–II. М., 1958.
- Русанівський В.М. 1978 – Дієслово // Історія української мови. Морфологія. Київ, 1978.
- СДЯ 1988 – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. I. М., 1988.
- СС 1984 – Старославянский словарь. М., 1984.
- Шахматов А.А. 1941 – Синтаксис русского языка. 2-е изд. Л., 1941.
- Шахматов А.А. 1957 – Историческая морфология русского языка. М., 1957.
- Шахмайкин А.М. 1996 – Проблема лингвистического статуса категории рода // Актуальные проблемы современной русистики: Диахрония и синхрония. М., 1996.
- Шульга М.В. 1984 – О причинах устранения родовых различий во множественном числе у родоизменяемых слов // ВЯ. 1984. № 3.
- Шульга М.В. 1988 – Проблемы грамматической нормы в практике редактирования. М., 1988.
- Ягич И.В. 1989 – Критические заметки по истории русского языка. СПб., 1989.
- Янко-Триницкая Н.А. 1966 – Наименование лиц женского пола существительными женского и мужского рода // Развитие словообразования современного русского языка. М., 1966.
- Янко-Триницкая Н.А. 1982 – Русская морфология. М., 1982.
- Grappin H. 1956 – Histoire de la flexion du nom en polonais. Wrocław, 1956.
- Jakobson R. 1971a – Zur Struktur des russischen Verbums // Jakobson R. Selected writings. V. 2. The Hague, 1971.
- Jakobson R. 1971b – Shifters, verbal categories and the Russian verb // Jakobson R. Selected writings. V. 2. The Hague, 1971.
- Jakobson R. 1971c – Морфологические наблюдения над славянским склонением // Jakobson R. Selected writings. V. 2. The Hague, 1971.
- Jakobson R. 1971d – The gender pattern of Russian // Jakobson R. Selected writings. V. 2. The Hague, 1971.
- Lehr-Splawinski T. 1947 – Język polski. Warszawa, 1947.
- Meillet A. 1921 – La catégorie du genre et les conceptions des Indoeuropéens // Linguistique historique et comparée. Paris, 1921.
- Trubetzkoy N.S. 1975 – N.S. Trubetzkoy's letters and notes. The Hague, 1975.